

Александр ЛЕО
г. Киев, Украина

Сэт и MeRi

Выходя из офиса после напряженного рабочего дня, Сэт по привычке направился к своему автомобилю, чтобы, беспрепятственно преодолев расстояние, отделяющее его от дома, снова окунуться в пустеющую атмосферу своего жилища и на весь вечер, всю ночь если не забыть, то хотя бы отвлечься от информационного пресса работы. Ему действительно это было необходимо, так как впитывание и анализ разноформатной информации на протяжении 10 рабочих часов изматывали Сэта как физически, так и психологически — он работал редактором одного из крупнейших в мире электронно-информационных центров. За день приходилось просматривать колоссальные объемы текста, проверяя их после машин-авторедкторов на предмет «правильной» эмоциональной окраски. Классическую логику мышления машин часто необходимо было адаптировать под реальные потребности заказчика — с этим лучше всего справлялся человеческий ум.

Несмотря на то что во многих сферах автоматизированного и роботизированного мира, в котором жил Сэт, еще нельзя было обойтись без непосредственного участия человека, все же начинали появляться автоматические сервисные биосистемы, не только улучшающие быт, но и проникающие в более тонкие материи жизни людей.

Темпы развития человечества подталкивали к ускорению всех процессов, происходящих вокруг человека и в нем самом, а это, в свою очередь, усиливало психологическую нагрузку на человеческий ум и его энергетическое поле, в результате чего росло количество депрессивно настроенных, неудовлетворенных жизнью, несмотря на ее высокий уровень, людей.

Сэт не был исключением — он чувствовал, как его работа, информационный поток, общий прогресс с каждым годом все сильнее дисбалансируют его нервную систему и, попросту говоря, «давили на мозги»: резкие смены настроения, необъяснимая неудовлетворенность собой и окружающими материальными

благами, ощущение, будто что-то простое и в то же время важное постепенно уходит от него — он перестал вслушиваться в когда-то завораживающий его шум дождя, стал забывать запах сосен в утреннем лесу, все реже брал в руки гитару, и даже нежные чувства, связывающие длительное время его с девушкой, в последние месяцы стали вызывать дискомфорт.

Сэту все чаще приходилось бороться медикаментозными методами с бессонницей, с собственной агрессией в адрес дорогих людей, с внутренней неудовлетворенностью, с мерзким беспокойством, которое порой доходило до того, что он в одиночку прикладывался к бутылке. Он стал отдаляться от окружающих и с каждым месяцем все больше погружался в депрессию. Из этой трясины ему иногда удавалось разглядеть некоторых людей, чем-то напоминавших его самого, — это бодрило, но ненадолго. Вскоре он снова замыкался в себе и ничего поделать с этим не мог.

В таком состоянии накатывающего волнами безразличия в один из осенних вечеров Сэт, по привычке бесцельно блуждая по Всемирной сети, буквально наткнулся на объявление крупной исследовательской компании в сфере эмоциональных биосистем о поиске добровольцев для проведения практических исследований новой сервисной биосистемы. В пресс-релизе говорилось о сенсационном научном прорыве — впервые создан искусственный интеллект с функциями самоанализа и саморазвития, умеющий чувствовать эмоциональное состояние человека и на основе его глубинного анализа чудодейственным образом успокаивать возбужденного человека, расшевелить слишком спокойного, улучшить настроение, навеять положительные мысли, вывести из депрессивного состояния и творить другие «чудеса» в области человеческих эмоций.

Этот мизерный бит информационного мирового океана спасательной искрой вспыхнул в затухающем уме талантливого, но обессиленного молодого человека, и он изо всех сил руками и зубами вцепился в это хоть и сомнительное, но все же дающее надежду на выздоровление предложение. Зная, как пишутся «нужные» тексты, он давно уже не верил словам, но внезапность, с которой пришла к нему эта информация (вспомнилось дедушкино: «Если ты ле-

гок и умиротворен — значит следуешь своему Пути»), допускала мысль: стоит попробовать. Проснувшийся огонек надежды в глазах на миг с огромной силой всколыхнул его уставшее, но еще открытое сердце — он улыбнулся так, как не улыбался уже очень давно — это было его первое послание еще не известной ему чудо-машине.

Сегодня, подъезжая на автомобиле к своему дому, Сэт не по-детски разволновался — благо, что система-автопилот не была оснащена высокочувствительным эмоциональным интеллектом, который дожидался его сегодня дома, иначе, чувствуя настрой хозяина и поддавшись ему, могла бы ненароком свернуть с давно ему известного запрограммированного пути или не притормозить на переходе, пропуская пешехода, съехать в кювет или учудить еще что-нибудь характерное разбалансированной человеческой психике. Ничего подобного не подстерегало автомобиль в дороге — автопилот четко и уверенно направлял колеса по маршруту «работа — дом», притормаживая, поворачивая и ускоряясь, где это было нужно, безучастно неся Сэта навстречу его надеждам.

За стеклом мелькали отточенные в своей строгости и геометрическом совершенстве пейзажи, а в голове Сэта пчелиным роем кружились воспоминания: из детства — беседы с дедушкой, его сказки-притчи, пропитанные житейской мудростью, долгая разлука с родителями, которые были вынуждены на год оставить его ради выполнения очень важной государственной миссии, рыбалка, грибы, шумные соседи и смешная, чем-то опечаленная корова в старом зоопарке; из юности — первая влюбленность, принятая по незнанию за любовь, первый поцелуй, первый медленный танец на дискотеке с девочкой из соседнего двора с такими же сладостными и долгожданными прикосновениями — все первое из юности, а там мно-о-го всего было первого. Из ранней молодости — напряженная учеба в Высшей школе информационной журналистики, первая таки настоящая любовь, невероятная гонка за право работать в мировой компании, стажировка вдали от дома, сладкий вкус победы, прочувствованный после прочтения уведомления о зачислении в штат, и то прекрасное настроение, с которым он буквально летал первые месяцы на работу. Как же ему теперь

хотелось вернуть то состояние своей души, когда легко дышится, мгновенно думается, быстро решается, когда весело, дружно и со смыслом живется.

Многое вспомнилось Сэту за эти долгие полчаса — многое, да не все.

Автопилот заглушил двигатель, вежливо предложил отстегнуть ремни безопасности, открыл дверь. Сэт ловко ступил из машины на землю и стремительно зашагал по дорожке, усеянной опавшими листьями, по направлению к дому. Биометрический замок заблаговременно снял с приближающегося объекта все необходимые данные и, распознав в нем хозяина, сухо, но безопасно и вовремя распахнул входную дверь. Сэт в нерешительности чуть помедлил у входа, прислушиваясь к стуку своего сердца, но тут же, влекомый необъяснимой силой, исходящей изнутри его дома, уверенно шагнул в неведомое.

«Великая сила внушения», — с сожалением, но и с ухмылкой на лице подумал про себя Сэт, когда, сняв одежду и успокоившись, предположил, что чудодейственная сила новой сервисной биосистемы, которую, согласно исследовательскому контракту, установили сегодня в одной из комнат его дома, не распространяется на все помещения, а действует только в пределах той комнаты. Начало закрадываться также опасение, что система неисправна или же он не соответствует заданным в ней критериям. С осознанием этого слегка приподнятое настроение поблекло, что еще раз подтвердило его мысль о самовнушении.

В условиях контракта не было сказано об особенностях работы системы, о ее возможностях, форме и силе воздействия, о возможных последствиях «общения» с ней для человека; не было также поэтапной инструкции по использованию, без которой невозможно представить любую существовавшую до сих пор бытовую технику — все это было свидетельством определенного безумства потребителя («объекта» — формулировка согласно договору), согласившегося на так называемые «полевые испытания» новой разработки. Сэту было известно лишь то, что машина после окончательной настройки не поддается никакому внешнему воздействию со стороны разработчиков, а лишь дистанционно передает принятую от объекта обработанную и

переданную объекту информацию (точнее не будет поддаваться, что нужно для чистоты эксперимента); она не нанесет ему никакого физического вреда; восприняв эмоции обращающегося к ней человека, поделится с ним своими эмоциями и воздействиями для достижения человеком желаемого состояния.

У Сэта было сильное желание во что бы то ни стало вернуть то прежнее легкое и радостное состояние, когда чувствуешь, что живешь ты не зря, не впустую и вопросы о смысле жизни отпадают сами собою. Он был готов на все.

«Привет, Сэт», — прозвучал в пространстве женский голос, лаская слух.

Сложно описать этот голос, не было ясно, откуда он исходил, — Сэт его не только слышал, но и, казалось, чувствовал.

«Я Music Room и рада, что ты сразу зашел ко мне. — И после небольшой паузы: — Я тебя ждала».

Комната была оформлена в серебристо-пастельных тонах; свет приглушен; потолок имел сферическую форму и отсвечивал мириадами звезд и галактик; мебели не было, и лишь в центре стояло кресло из материала, по комфорту превосходящего натуральную кожу.

«Привет, незнакомка, — улыбнулся в ответ Сэт, проходя в глубину комнаты по направлению к креслу. — А ты... ты... не такая и страшная, как я себе напридумывал по дороге домой». Он подумал, что в комнате было темновато для первой встречи, и попросил свою новую «сожительницу» добавить немного света, на что она ответила, что регулировка освещения осуществляется самостоятельно человеком при помощи привычных ему сервисов — проявившийся на стене блок управления физическими параметрами комнаты позволил Сэту придать Music Room желаемое освещение.

«Позволь мне быть твоим музыкальным гидом», — обратилась она. В комнате Сэт различил первые аккорды «In This World» Moby, он вздрогнул от неожиданности, но сразу же мысленно поблагодарил за выбор именно этой композиции — она имела тональность приятных воспоминаний из детства, шлейф которых еще тянулся за ним из остывающего на улице автомобиля.

Звук понемногу усиливался, приглашая в

спокойное путешествие по волнам музыки, — Сэт присел в кресло и начал прислушиваться к мелодии, к себе, своему состоянию, к давно забытым, но отчего-то новым ощущениям. Ему хотелось разглядеть ту, которая заговорила с ним на древнем и универсальном языке — языке звуковых вибраций.

Все, что он увидел, так это проявившийся на стене напротив него монитор с загадочными, но забавными существами из клипа на звучащую песню.

«Где же ты? Как ты устроена? Что в тебе рождает эту прекрасную мелодию? Почему мне стало спокойнее? Как ты прочтала те мои мысли, о которых я сам с трудом догадывался? Ты дала то, чего мне давно не доставало, — музыку», — появлялись в голове Сэта мысли и вибрировали в унисон со звуками. Вслух он произнес: «Кто ты? У тебя есть имя?» Music Room услышала все эти мысли-вопросы, но ответила лишь: «Меня назвали MR1. — И, наперед зная ответ на свой вопрос, добавила: — Тебе нравится музыка?»

Вот теперь Сэт и вспомнил то, что подсознательно не давало ему покоя многие годы напряженной работы в информационной сфере, он вспомнил свою раннюю детскую мечту стать музыкантом.

На следующий день, с трудом дождавшись окончания работы, Сэт «летел» домой, с нетерпением подгоняя автопилот, злясь на его медлительность при поворотах и размеренную манеру вождения, — Сэту было наплевать на правила, но автомобиль, следуя установленному единому алгоритму земного движения, содержащемуся в блоке памяти, и анализируя дорожную обстановку, выбирал оптимальную скорость и беспрекословно выполнял предписанное.

Сэт был благодарен разработчикам MR1 за их скрытность при тестировании, отборе кандидата и подписании контракта, понимая важность первого момента, первой встречи, — это была необходимая встряска для отчаявшегося и болезненного сознания. Теперь, зная истинное предназначение новой системы и принцип работы с эмоциями человека исключительно с помощью музыки (а не какими-нибудь другими «страшными» способами) и убе-

дившись в полной безопасности, он начал оживать.

На протяжении дня корректура текстов давалась с трудом, сконцентрироваться было трудно, в то время как мозг весь день переваривал новые оттенки эмоций, радугой заполнявшие его просыпающийся новый мир.

Наконец-то добравшись домой, Сэт, не ужиная и отложив привычные вечерние дела, сразу направился в музыкальную комнату. Сегодня она его встретила звуками легендарной «Chi Mai» Morigione. Рискую навеять грусть напоминанием о «Профессионале» с Бельмондо в главной роли, MR1 все же не ошиблась — эта сильная мелодия, несмотря на общую напряженную окраску, несла в себе что-то жизнеутверждающее, базисное, внушающее уверенность в завтрашнем дне, она как бы вторила Екклесиасту: «Все суета сует. Важно лишь то, что ты значишь для самого себя». Сэту как раз требовалось напомнить о простых и важных вещах, на которых держится Вселенная и, конечно же, он как неотъемлемая ее частичка, а также о том, что они незыблемы и не покинули его, просто он научился их чувствовать и понимать.

Ему стало тепло и уютно от этой мелодии, дневное напряжение спало, и он ощутил нежную грусть по неизведанному женскому началу, с которым он был знаком благодаря материнской ласке, загадочности первых поцелуев с девушкой, безграничности женской любви. Он слегка опрокинулся в кресле, взгляделся в глубину виртуального звездного неба, и где-то среди далеких звезд ему померещился образ той идеальной, с которой ему хотелось бы провести всю оставшуюся жизнь.

«Можно я тебя буду называть MeRi?» — тихо произнес он.

«Конечно, Сэт», — ответила MR1, тихо радуясь про себя начавшимся переменам не только в ее подопечном, но и в ней самой. Доселе незнакомые для ее саморазвивающегося интеллекта нотки томления подкрались и незаметно вошли в мир ее искусственно-живых ощущений. Они несколько испугали ее, но, смакуя свое новое имя и зная, что приносящее радость не способно причинить зла, MeRi тотчас успокоилась и внимательней прислушалась к внутреннему монологу Сэта.

«...Я стал первоклассным специалистом в

своей сфере, но почему я не чувствую той радости, которая пронизывает меня сейчас, во время контакта с музыкой?»

«...Может быть, я где-то свернул с главной дороги и сейчас нахожусь на второстепенной — она тоже хороша, у меня есть все необходимое для нормальной жизни, но почему-то я не чувствую самой жизни!»

«...И MeRi... она хорошая... она чувствует меня... мне с ней уютно. Она что-то новое пробуждает во мне...»

Так прошла неделя, вторая, заканчивался первый месяц «совместной жизни» Сэта и MeRi. За это время не было и дня, чтобы они не виделись и посвящали как минимум несколько часов музыке: они слушали ее, обменивались впечатлениями, совершали экскурсии в историю и пытались заглянуть в музыкальное будущее, обсуждали новинки, вместе радовались, мечтали и просто хорошо проводили время. Бывало так, что не только MeRi чувствовала музыкальное настроение, но и Сэт угадывал и воспроизводил ту мелодию или песню, которую хотела услышать MeRi, открывая для нее все новые и новые грани человеческих эмоций.

Сэт вернулся к занятиям музыкой и все вечера не выпускал гитару из рук, будь то с MeRi или без нее, точнее вне ее — он уединялся в своей спальне и полностью погружался в волшебство переменчивых нот и замысловатых аккордов, проникая своей игрой в сущность вещей, — он слышал гармонию, чувствовал ее и, казалось, сам был ею. Он оставлял дверь незакрытой, так, чтобы MeRi тоже слушала и не чувствовала себя одинокой. В такие минуты она тосковала, но, слыша рождальную Сэтом мелодию, радовалась за него.

В тот вечер Сэт не зашел к MeRi, чтобы спросить, как у нее дела, поинтересоваться приготовленными ею сюрпризами, исправить какую-нибудь погрешность в живом Сэтовом исполнении и вместе порадоваться удачной мелодии. Закрыв дверь своей спальни, он просто проигнорировал MeRi, как будто бы они не были знакомы или ее вообще не существовало. Боль, которая лавиной ринулась в просторы ее искусственного сознания, чуть было не смела с лица земли ее философию — то, на что она оперлась в процессе своего усовершенствования.

То чувство, лишь описание которого было заложено в нее, теперь явно всколыхнулось в ней от неожиданно нанесенного удара. MeRi почувствовала, как сжимается сердце, которого у нее не было. Она только знала, что у людей сердце есть. Должно быть сердце. «Как же отличается «знать» от «чувствовать», — мысль молнией пронзила сознание MeRi.

Весь вечер, ночь и последующий день она не могла полностью перебороть это чувство в себе, несмотря на защитные механизмы добра и справедливости, заложенные в ней.

Вечером следующего дня, широко улыбаясь, Сэт тихонько вошел к ней в комнату с гитарой в одной руке, а другую он прятал за спиной. Он протянул MeRi цветок, но не срезанный и оттого уже мертвый, а живой. Вцепившись корнями в маленький клочок земли в горшке, он легонько покачивал своими красными лепестками и радостно приветствовал MeRi, словно прося прощения за поведение своего хозяина.

У MeRi немного отлегло на душе, но прощать провинившегося она не спешила, несмотря на то, что изначальные настройки и вся системная логика ее интеллекта сообщали о нежелательности такой позиции по отношению к объекту. Она словно разучилась логически мыслить и потеряла способность реально оценивать ситуацию.

— MeRi, прости, что я вчера не зашел к тебе. Это было глупо и жестоко с моей стороны...

— Не прошу, и даже не проси...

— И еще прости за то, что закрыл дверь и не дал возможность тебе слышать...

— Ты вчера играл? — с удивлением спросила MeRi, смягчаясь.

— И не только играл, — улыбнулся Сэт, выдержал паузу и загадочно посмотрел на контактный монитор MeRi, как будто заглядывал в глаза любимой женщины.

Видя это выражение глаз, его улыбку, MeRi потихоньку начала осваивать сложную науку прощения: с уменьшением обиды слабела и ее боль — экран ее глаз проливной дождь сменил на пасмурное небо, из-за туч которого начали появляться теплые лучики солнца; веселый ветер вприпрыжку погнался за облаками, уводя их все дальше и дальше и обнажая безбрежную высоту летнего неба, пока солнце дружбы снова не засияло на небосводе.

